

О.В. БРИГАДИНА

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОТНОШЕНИЙ (1917–1922 гг.)

Советская история первых послереволюционных лет является объектом пристального внимания многих исследователей. Опубликовано немало работ, где "главное событие XX века", "революция, которая потрясла мир", освещалось с прямо противоположных позиций: от вульгарной идеализации до явного очернительства. Однако было бы упрощением искать истину между этими полярными взглядами. Научное исследование прошлого требует накопления знаний, отхода историков от системы заданных координат.

К сожалению, и в многочисленных публикациях последних лет не удалось избежать конъюнктурной подачи материала. Под предлогом поиска исторической правды ряд авторов обвиняет большевиков в эскалации насилия, в превращении страны в своеобразную "лабораторию" социальных экспериментов.

Можно не принимать революцию (это в конце концов дело личных убеждений), можно и нужно говорить о страданиях и бедах, перенесенных народом нашей страны. Однако нельзя не признать, что большевики, став сражающейся партией, смогли в тех реальных условиях удержать власть. Сила сопротивления революции вызвала ее ответные действия. "Возможна ли гуманность в такой небывало свирепой драке", – отвечал Ленин Горькому. – Где тут место мягкосердечию и великодушью?"¹

Как бы то ни было, однако революции в России избежать было нельзя. И именно революция, такая желанная для многих представителей российской интеллигенции, самым трагическим образом отразилась на судьбах большинства из них. Парадокс – в феномене российской интеллигенции, которая, являясь эталоном нравственной культуры и духовности нации, оказалась на рубеже веков оторванной от реального дела. Гипертрофированная социальная мечтательность, защита не насущных интересов народа, а своих представлений о нем, императив "служить не власти, а идее", – все это обернулось трагедией в октябре 1917 г. Значительная часть интеллектуальной элиты отвергла большевизм как теорию и практику движения общества к цивилизации и прогрессу. Тревогу за судьбу страны, страх за культуру и будущее перед возможным варварством как следствием необузданной революционной стихии высказывали В.Г.Короленко, А.М.Горький, И.П.Павлов и другие деятели науки и культуры. Так, Короленко в письмах к Луначарскому оспаривал стремление большевиков к авангардной роли в мировом развитии: "...народ, который начинает царство справедливости допущением массовых бессудных расстрелов, такой народ еще далек от того, чтобы стать во главе лучших стремлений человечества"².

Насилие, жестокость, террор отпугнули многих образованных людей, значительная часть которых не только не приняла революцию, но и начала активную борьбу с новой властью. Как вспоминал позднее известный философ И.А.Ильин, "интеллигенты... не признавали диктатуру пролетариата как способ справедливого государственного устройства, классовый подход в политике, экономике..."³

События, последовавшие после 1917 г., заставили многих представителей российской интеллигенции не только иначе взглянуть на те ценности, которым они прежде поклонялись, но и вступить в активную конфронтацию с большевиками. Так, по призыву Всероссийского учительского союза 2 декабря 1917 г. около 4 тыс. учителей Москвы присоединились к трехмесячной забастовке служащих городской управы. Бастовали учителя в Петрограде, Уфе, Екатеринбурге, Астрахани и других городах России, требуя передачи власти Учредительному собранию. Резолюцией от 22 ноября 1917 г. осудило диктатуру большевиков и правление Пироговского общества врачей, призвав медицинских работников саботировать мероприятия Советской власти в области здравоохранения.

Резко негативным было отношение к пролетарской революции 1917 г. большинства представителей научных учреждений и вузов страны. Экстраординарное Общее собрание Российской Академии наук было специально созвано 18 ноября 1917 г. «ввиду того, что происходящие события угрожают гибелью стране и необходимо, чтобы Российская Академия наук не молчала в такое исключительное время»⁴. Обращение РАН, осуждающее Октябрьский переворот, было в дальнейшем поддержано Советом научных учреждений и высших учебных заведений Петрограда.

Не приняла Советскую власть и значительная часть технической интеллигенции, выразителем настроений и взглядов которой являлся Всероссийский союз инженеров.

Таким образом, советская действительность утверждалась в результате взаимодействия и противоборства различных сил. Большевицкая власть не была абсолютно последовательна в своих действиях, налицо были явные противоречия в экономической, культурной политике Советов. Ситуацию можно определить словами Сен-Жюста, одного из деятелей Великой Французской революции: «...сила вещей ведет нас, по-видимому, к результатам, которые не приходили нам в голову». Ленин в своих работах после Октября неоднократно подчеркивал этот парадокс: нам бы хотелось одного, но мы были вынуждены делать совершенно другое. Поэтому ряд конкретных шагов Советской власти, детерминированных логикой революции, реальной ситуацией, зачастую не способствовал росту симпатий к большевикам у образованных слоев населения, представлялся им в лучшем случае непоследовательным и противоречивым.

С одной стороны, налицо было стремление к общечеловеческой культуре, невиданная по массовости и активности работа по ликвидации неграмотности, с другой, четко выраженный классовый подход к носителям этой культуры – интеллигенции. В журнале «Красный террор» член комиссии ВЧК М.Лацис в ноябре 1918 г. писал: «Мы не ведем войны против отдельных лиц, мы истребляем буржуазию как класс... Первый вопрос, который мы ему (обвиняемому – О.Б.) должны предложить, – к какому классу он принадлежит, какого происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого»⁶. Естественно, что подобные откровения не могли не вызвать протест у потенциальных «обвиняемых».

Положительно расценивая широкомасштабную государственную кампанию по изданию и распространению книг для народа, российская интеллектуальная общественность негативно встретила так называемые чистки библиотек от «антисоветской и антихудожественной литературы». В числе опальных оказались Кант, Платон, Л.Толстой, С.Есенин и др. Как ограничение свободы и демократии был расценен Декрет СНК о печати (октябрь 1917 г.), согласно которому закрывались многие оппозиционные газеты («Речь», «Новое время», «Биржевые новости» и др.). Негативную реакцию у интеллигенции вызвал Декрет СНК «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» (январь 1918 г.), во исполнение которого началось варварское разрушение культовых памятников, проводились репрессии против служителей церкви. Эти и другие непопулярные меры властей, продиктованные требованиями дня, вызывали протест и рост оппозиционных настроений у интеллигенции.

С особой враждебностью была воспринята революция и последующая политика большевицкой власти в кругах художественной интеллигенции. Объясвила саботаж значительная часть труппы Александринского театра, разыграв в

ноябре 1917 г. на сцене фарс "Апофеоз Учредительного собрания". На общем собрании коллектива театра было принято решение о прекращении театральной деятельности "вплоть до выяснения общего положения дел в государстве". Идейними врагами большевизма объявили себя многие представители литературы и искусства: Д.С.Мережковский, З.Н.Гиппиус, Ф.К.Сологуб, В.И.Иванов, Б.К.Зайцев, А.Т.Аверченко и др. По мнению И.Бунина (первого русского писателя, удостоенного в 1933 г. звания лауреата Нобелевской премии), "русская вахханалия превзошла все до нее бывшие". З.Н.Гиппиус охарактеризовала события тех лет, как "месиво жестокостей, невежества... возмездие и болтунам, и "обломовцам" от культуры".

Российская интеллигенция в большинстве своем выступила вдохновительницей контрреволюции, а монархически настроенное офицерство стало ударной силой белого движения. В 1918–1920 гг. на юге России в Добровольческой армии оказались многие представители либеральной буржуазии. Годы гражданской войны стали тяжелейшим испытанием для многих из них. В конце концов даже самые ярые сторонники активной борьбы с большевиками осознали бесполезность приносимых жертв, понимая, что ожесточение войны уже не сможет пройти бесследно для страны, что ярость классового противостояния наложила отпечаток на нравственный облик всего народа⁸.

Судьбы многих видных российских интеллигентов были исковерканы: одни погибли на фронтах гражданской войны, другие оказались в изгнании. Разочарование в революции вынудило эмигрировать лучших представителей отечественной интеллектуальной элиты, а также наиболее активных деятелей практически всех дореволюционных российских партий: от монархистов до социал-демократов. На долгие годы растянулся в эмигрантской среде процесс идейно-политического размежевания, пересмотр прежних верований и представлений, переоценка духовного прошлого. Большинство из эмигрировавших завершили свой жизненный путь на чужбине, некоторые вернулись на родину. Таким образом, пролетарская революция 1917 г. стимулировала процесс расслоения интеллигенции, сложный и растянутый во времени, со своими приобретениями и потерями.

Российская интеллигенция не была однородной ни по социальному происхождению, ни по своим убеждениям. Для многих даже мысль о бегстве из страны представлялась унижительной и аморальной. Идея служения народу, создание новой культуры являлись смыслом жизни для значительной части образованных людей и тем сильнейшим побудительным мотивом, который и определил их дальнейший жизненный выбор.

С энтузиазмом и надеждой встретили октябрьские события известные скульпторы С.Эрзя, С.Коненков, художники И.Габарь, А.Лентулов, П.Кузнецов. В числе первых, кто восторженно принял революцию, были поэты А.Блок, В.Брюсов, В.Маяковский. Продолжали свою научную деятельность ученые А.П.Карпинский, А.Н.Бах, К.Э.Циолковский, И.М.Губкин. Многие известные деятели науки и культуры вступили в ряды ВКП(б).

Пролетарская революция расколола российский офицерский корпус, часть которого поддержала большевиков (будущие Главнокомандующие Вооруженными Силами республики И.И.Вацетис и С.С.Каменев, полковники Б.М.Шапошников и А.И.Егоров, подполковники А.М.Василевский и Л.А.Говоров).

Советская власть стремилась использовать опыт и знания "буржуазных специалистов" в своих интересах. Объединению интеллектуальных сил страны способствовала деятельность научно-технического отдела ВСНХ РСФСР. В 1919 г. в качестве постоянных сотрудников, консультантов и экспертов там работало свыше 250 профессоров, 300 инженеров. Более 200 ученых и служащих приняли участие в разработке плана ГОЭЛРО⁹. В Институте физико-химического анализа АН под руководством академика Н.С.Курнакова велись исследования для электротехнической промышленности, в отделе редких элементов АН под руководством академика В.И.Вернадского – работы по изучению радиоактивных веществ. Исследования по рентгенографии кристаллов и полупроводников были выполнены коллективом Рентгенологического института (академик А.Ф.Иоффе).

Однако согласие на сотрудничество с большевиками давалось нелегко. Одних не покидали сомнения в правильности сделанного выбора, другие прошли

мучительный путь раздумий и компромиссов. Отношения между интеллигенцией и Советской властью нередко отличались острыми противоречиями: власть пыталась поставить образованные слои общества на службу системе, интеллигенция, со своей стороны, отстаивала право на интеллектуальную свободу, выступая против тотального контроля за умонастроениями в обществе. Одним из первых своеобразную двусмысленность советской действительности отметил ученый и мыслитель, лауреат Нобелевской премии И. Павлов: с одной стороны, просматривались многообещающие признаки «социального рая» – равенство, единение масс, воодушевление большинства общими идеями, впечатляющие результаты индустриализации и т.д., с другой стороны, отмечал известный ученый, «мы находимся в сущем аду, где насилие и бесчеловечность стали обыденным и всеобщим делом»¹⁰.

Для укрепления своих позиций, нейтрализации потенциальных оппонентов власть предприняла упреждающие шаги, выработав программу мер по привлечению на свою сторону колеблющихся. В Программе РКП(б), принятой на VIII съезде партии, была поставлена задача активного использования старых специалистов, причем эта тактика рассматривалась как своеобразная форма классовой борьбы, призванная преобразовать классовую природу интеллигенции.

Результатом целенаправленной политики Советской власти по формированию качественно нового социума – советской интеллигенции – явилась пролетаризация образованного слоя страны, снижение общего интеллектуального уровня людей с высшим образованием, усиленная технократизация вузов. Был сформирован новый, лояльный государству социальный слой, гарантирующий успех в борьбе с возможными рецидивами инакомыслия и вольнодумства в обществе.

¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 5 т. М., 1989. Т.3. С.240.

² Короленко В. // Новый мир. 1988. №10. С.216.

³ Ильин И. А. // Новый мир. 1991. №1. С.218.

⁴ Есаков В. Д. // Отечественная история. 1994. №6. С.129.

⁵ Пантин И., Плимак Е. А. // Коммунист. 1981. №15. С.104.

⁶ История и теория мировой и отечественной культуры. Пенза, 1993. С.123.

⁷ См.: Гиппиус З. Н. // Под созвездием топора. М., 1991. С.327.

⁸ См.: Струве П. Б. // Новый мир. 1991. №4. С.217; Трубецкой Е. Н. // Новый мир. 1990. №7. С.198.

⁹ Федюкин С. Л. Деятельность КПСС по формированию советской интеллигенции. М., 1984. С.28.

¹⁰ Якимович А. // Погружение в трясину. М., 1991. С.371.

А.А.ЗАГОРНОВ

БРЕСТСКАЯ ТАМОЖНЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Система контроля – одна из основных внутренних функций государства. Так, его система пограничного контроля позволяет сохранять экономическую независимость и, более того, политическую самостоятельность. Стремление государств упорядочить все возрастающий поток товаров, пересекающих границы (экспорт и импорт), с течением времени привело к созданию таможенного контроля и его органов – таможен.

Первые таможи в России появились уже в XIII в. А с введением в XVII в. таможенного тарифа в Европе таможи окончательно оформились как государственная система пограничного контроля.

Таможи имеют большое и интересное прошлое. К сожалению, у нас почти нет литературы по истории белорусских таможен. Поэтому нам кажется небезполезным дать хотя бы краткий обзор деятельности Брестской таможни в первой половине XIX в. В это время таможня играла заметную роль на западной границе Российской империи. Сразу после второго раздела Речи Посполитой Брест получил российский пограничный статус. Находясь на магистральном Московско-Варшавском тракте и на судоходных реках Буг и Мухавец, город на протяжении всего XIX в. был важным торговым и перевалочным грузовым узлом. Таможню здесь вновь учредили в начале XIX в., и она активно действовала до 50-х гг.